

— Люблю я его, — Женька потянулась роскошным обнажённым телом и, запрокинув голову, мечтательно продолжила: — Понимаю, что подлец, но всё равно люблю. В воскресенье утром он заехал ко мне домой на «Волге», думал, что я, как и раньше, буду для него в доску расшибаться, запчасти для «Волги» доставать, — но я встретила его холодно, невозмутимо, зато потом, после его ухода, меня весь день трясло, в себя не могла прийти.

— Да, любовь — штука странная, — обречённо согласился Николай.

Он лежал возле Женьки на постели, всматривался в её красивое лицо и старался подавить в себе рвущееся наружу чувство тоски и обиды: он любил Женьку страстно и мучительно — той любовью, которой чаще всего заболевают мужчины в зрелом возрасте, когда иссякают годы поиска и метаний и хочется найти нечто постоянное, вечное, на что можно опереться в грозу надвигающейся старости и неизбежных возрастных болезней.

— Я помню, как боялась его, когда он начал ходить на занятия кружка, которым я руководила. Он занимал видную должность в исполкоме, был другом мэра города и заявил мне, что добьётся закрытия моего кружка. А для меня это было единственное место, где я получала зарплату, —

муж и тогда мне денег почти не давал, — представляешь моё состояние?! А потом прошёл год, Профессор (Женька, конспирируя, никогда не называла этого человека по имени, и в частых разговорах о нём она и Николай стали звать его Профессором) продолжал ходить на кружок, о закрытии которого никто больше не говорил, — и я начала ловить себя на том, что расстраиваюсь, когда он почему-то отсутствует. А однажды он принёс бутылку шампанского, сказал, что у него день рождения, мы остались после занятия кружка, и он, начав с простого поцелуя на брудершафт, постепенно раздел меня и взял прямо там, на столике для занятий, и это оказалось прекрасным... У меня, кроме мужа, никогда не было мужчин, да и мужа я мужчиной не считаю — он всегда был самцом, использовавшим меня для удовлетворения своей похоти; а Профессор научил меня быть женщиной, сделал из меня женщину...

Николай вспомнил грязное полуподвальное помещение кружка, где Женька преподавала детишкам искусство фотографирования, облупившийся на полу линолеум, низенькие неудобные столы — и подумал, насколько велика была сила Женькиной любви, заставлявшая её, чистоплотную интеллигентную женщину, раздеваться и ложиться на эти столики или пол — даже потом, когда Женька, как она рассказывала, принесла туда матрац, простыни и подушку.

— А что тебя привлекало в нём больше всего? — спросил Николай.

Тема эта была для него болезненной, но она притягивала его как возможность лучше познать Женьку, приобщиться к её глубинной сущности, стать — в момент рассказа — слитым с ней воедино.

— Он был романтиком и мечтателем, — Женькино лицо осветилось задумчивой нежной улыбкой. — Он рассказывал мне, как, забрав меня и моих двоих детей, он оставит свою семью и увезёт нас в Сибирь, где у него есть знакомые, которые помогут получить квартиру, и как мы будем ходить по льду какого-то из северных морей и кататься на оленях. И я вместе с ним мечтала об этом, хотя

и понимала, что мечты несбыточны, но Профессор рассказывал так ярко, увлекательно... Умён был необыкновенно, а уж в женской психологии разбирался! Признался потом, что специально запугивал меня закрытием кружка, чтобы заставить о нём всё время думать, и что, увидев в первый раз, сразу решил, что я стану его любовницей.

Николай слышал об этом способе опытных соблазнительей, когда женщину, подчинённую по службе или в силу обстоятельств, привязывали к себе через страх, настолько изматывающий жертву, что она, стремясь убрать источник постоянного беспокойства, легко — и с радостью! — уступала своему мучителю, в котором начинала видеть благодетеля. В науке эта ситуация получила название «стокгольмский синдром» — по одному из случаев, когда три девушки-заложницы, шесть суток находившиеся вместе с двумя грабителями в окружённом полицией бронированном сейфе банка и испытывавшие на себе весь ужас варварского обращения (трое суток их не кормили, заставляли неподвижно стоять с верёвочной петлёй на шее, били и угрожали убийством), после смягчения «режима» влюбились в истязателей и плакали, когда полиция увозила арестованных бандитов в тюрьму.

— Я чувствовала, что у него, кроме меня, есть другие женщины, но он так убедительно говорил, что предан мне одной! Женщины любят ушами, и я верила каждому его слову и по вечерам летела к нему как на крыльях. У Профессора была своя строительная организация, и я, чтобы быть с ним рядом — да и заработать, потому что детей тяжело практически одной выращивать, — оформилась к нему на работу экспедитором и потом на грузовиках в жару и холод моталась по всему Крыму, добывая нужные ему материалы. Закончив рабочий день, мчалась к нему в офис, ожидала в приёмной, когда уйдут последние посетители и секретарша, закрывалась с ним в кабинете — и любила его, любила и делала всё, что он пожелает. Наверное, нет такой сексуальной позы, которую бы мы не испробовали! А ещё ему нравилось, раздев меня, смотреть, как я танцую. Тело у меня и сейчас, в тридцать пять лет, как у девушки.

Женька замолчала, задумалась. Николай лежал, всматривался сбоку в её лицо, вспоминал, как познакомился с Женькой на вечерних курсах по компьютерному обучению, как влюбился в неё, долго и безнадежно ухаживал, пока однажды, в минуту Женькиной тоски и одиночества, не стал её любовником, периодическим обладателем её тела — но не души! В этом было что-то постыдное, немужское — обладать женщиной, откровенно заявлявшей, что его не любит, и Николай тяжело переживал унижительность своего положения, в то же время не представляя свою жизнь без Женькиного присутствия.

— Меня очень волновало, — вновь заговорила Женька, — что он старше меня на двадцать шесть лет. Мне казалось, что в моей любви к старику есть какая-то противоестественность и что знакомые будут смеяться, когда узнают. Я не догадывалась, что и так все знают — кроме мужа, конечно, — и старалась держать нашу связь в тайне. Мы с ним ни разу не были в театре, ресторане, зато часто уезжали на «Волге» в лес. Я бегала между деревьями, счастливая до невозможности, а он ходил по пятам и любовался мной. Водитель жарил нам на костре шашлыки, потом, после еды, уходил в глубь леса, оставляя нас наедине...

А с Николаем Женька ходила в театр часто. Он был взятым театралом и старался не пропускать ни одной премьеры, приобщая Женьку к страстям театральных кулис.

— А ещё мне нравилось ходить с Профессором в сауну. Я массажировала ему спину, ноги, и это было так приятно — прикоснуться к любимому телу! Я тогда поняла, что счастье — это возможность делать счастливым другого человека.

— А почему вы расстались? — спросил Николай.

Этой темы Женька обычно избегала, инстинктивно чувствуя, как догадывался Николай, что, облечённая в слова, её любовная история — самое яркое и светлое событие в её жизни, — окажется в лучах действительности тривиальным случаем: умный, расчётливый мужчина влюбил в себя молодую неискушённую женщину, бесплатно, не прикладывая особых усилий и денег, попользовался её телом и

душой, после чего, устав от её любви и необходимости ей соответствовать, поменял её на новое, свежее «мясо».

— Года через полтора я почувствовала в его отношении ко мне прохладу, — сегодня Женька решила быть полностью откровенной. — Он стал часто попадаться на вранье — а я враньё ненавижу! А однажды знакомая девочка попросила помочь: совсем, говорит, один старик замучил домогательствами, просто выгнать его боюсь, потому что живу одна, а он со связями, — попробуй ты на него подействовать, он сегодня вечером опять завалится. Я согласилась, словно чувствовала что-то, тем более и Профессор утром сказал, что уезжает по делам и вечером встретиться со мной не сможет. Сиж у знакомой, жду, вся как на иголках — и точно: заявляется мой любимый с шампанским и конфетами. Увидел меня, рот открыл и конфеты на пол уронил. Я встала, прошла как мимо пустого места и даже дверь хлопать не стала. На следующий день принесла в кабинет заявление об увольнении с работы; он пытался что-то объяснить, уговаривал — а я словно каменная. Но зарплату мою — двести гривен — так и не отдал, как я ни просила. То есть я бы её получила — через постель, но позволить себе этого не могла.

«Потом появился я, — подумал Николай. — И стал тем клином, с помощью которого Женька вышибала из себя любовь к Профессору».

— Пора идти, — свесив ноги с кровати, Женька начала одеваться. — Дети дома голодные, да и дел много.

— Завтра придёшь? — Николай с надеждой заглянул Женьке в глаза.

— Да, наверное.

Эти обещания ничего не значили, и Николай знал об этом. Не один вечер он провёл, тщетно ожидая стука в окно и весёлого Женькиного голоса: «Коля, открой! Это я». К обязательствам по отношению к нему Женька относилась столь же несерьёзно, как и к нему, и ничего здесь поделать было нельзя, можно только привыкнуть, к чему Николай постепенно себя приучал. Зато первое время...

Однажды в феврале Николай проторчал на морозе четыре часа, напрасно ожидая Женькиного прихода: в домах отключили электросвет, и Николай боялся, что Женька, не увидев освещённого окна, решит, что он куда-то вышел, обидится и уйдёт.

Надев платье и поправив причёску, Женька завертелась перед зеркалом. Николай смотрел на неё, красивую, обожаемую им женщину, и думал, насколько долгим будет ещё их союз и скоро ли Женька, окончательно освободившись от любви к Профессору, начнёт избавляться от него, Николая, чтобы потом вольной птицей заняться поиском настоящей и великой любви к ещё не встреченному мужчине.

— Слушай, Коля! — закончив красить помадой губы, Женька повернулась к Николаю. — Увидимся послезавтра, ладно?!

— Хорошо, — кивнул головой Николай, зная по опыту, что возражения ничего не изменят.

Однажды, когда Женька отказалась встретиться с ним день его рождения, он попытался устроить скандал, и её тогдашние слова: «Я твои ключи от квартиры хоть сейчас могу отдать и тебя забыть», — до сих пор жгли углями сердце Николая. Именно тогда он понял, что Женька никогда его не полюбит и, кроме сексуального партнёра и благодарного слушателя, позволяющего изливаться на себя Женькины семейные и любовные неурядицы, ничего в нём Женька не видит.

Закрыв калитку на ключ, Женька и Николай молча направились к троллейбусной остановке. Николай думал о том, что в свои сорок шесть лет он так и не встретил ту, с которой мечтал жить долго и счастливо и умереть в один день, а Женька гадала, пьяным или трезвым придёт муж, сделал ли уроки сын и купила ли продукты для ужина её дочка. Ожидание троллейбуса оказалось недолгим, и вскоре они расстались: светлячки, случайно сблизившиеся в ночной мгле.